

и его ожидали уже гробъ, могила, и начиналось разложеніе... Еще немного, и та же участь постигнетъ и меня; умерщвленный Англіей, я умираю прежде времени, и мои останки будутъ преданы землѣ. Вотъ участь, ожидающая великаго Наполеона. Какая пропасть отдѣляетъ мое бѣдственное положеніе отъ вѣчнаго господства Христа, котораго повсюду въ мірѣ проповѣдуютъ, любятъ, на котораго молятся, и который живетъ до сихъ поръ. Его смерть — развѣ это значитъ умереть?! Не значитъ ли это, напротивъ, — жить вѣчно?“

Какъ оригинальны и глубоки эти слова.

Наполеону не пришлось увѣковѣчить память своихъ сподвижниковъ, а Императоръ Александръ приказалъ похоронить кн. Кутузова въ Казанскомъ соборѣ и заказалъ, какъ сказано въ журналѣ „Славянинъ“, скульптору Деннекеру статуи для памятниковъ Барклая и Кутузова; былъ также проектъ поставить памятникъ гр. Беннигсену близъ того же Казанскаго собора, въ садикѣ, гдѣ помѣщается павильонъ фотографа Левицкаго. Рисунокъ этого памятника помѣщенъ во II-мъ томѣ нашего описанія 200-лѣтія С.-Петербурга, подъ названіемъ: „Невскій проспектъ“.

Александръ еще при своей жизни, рескриптомъ, найденнымъ однимъ гласнымъ Московской думы, повелѣлъ поставить князю Кутузову памятникъ въ Москвѣ, чего не сдѣлано до сихъ поръ, хотя гор. Юрьевъ (Дерптъ) давнымъ-давно увѣковѣчилъ Барклая огромнымъ бюстомъ. По возвращеніи Императора Александра послѣ взятія Парижа, въ Россію, Синодъ, Госуд. Совѣтъ и Сенатъ просили Государя принять имя *Благословеннаго* и разрѣшить поставить ему монументъ. Александръ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Проектъ монумента, въ видѣ колонны, составленный московскимъ архитекторомъ Казаковымъ, приложенъ къ первой книгѣ „Архива юридическихъ наукъ“, издававшегося Н. В. Калачевымъ.

Поэтъ Жуковскій, бывшій на открытіи памятника Императору Александру I — Александровской колонны въ Петербургѣ, писалъ: „Возобновились времена минувшія: Бородино, роковая слава Москвы, всенародный Лейпцигскій бой, Парижъ, Наполеоновъ гробъ, охваченный океаномъ... все, все говорило объ немъ, а его самого тутъ не было, и сіе отсутствіе погружало душу въ какую-то невыразимую задумчивость; она какъ будто чувствовала, что близко то мѣсто, мѣсто уединенное, мѣсто покоя, безмолвія и мрака, гдѣ царь великій спитъ во гробѣ, и невольно перелетала она въ тотъ далекій, столь прежде незнаменитый уголокъ Россіи (Таганрогъ), гдѣ такъ смиренно, такъ въ сторонѣ отъ всякаго блеска царской славы, на рукахъ одной сокрушенной супруги, закрылъ онъ глаза и откуда совершилъ послѣдній свой путь чрезъ Россію, затворенный въ гробъ и бозотвѣтный на призывающій его голосъ народа. Какъ поразительна была въ эту минуту сія противоположность житейскаго величія, пышнаго, но скоропроходящаго, съ величіемъ смерти, мрачнымъ, но неизмѣннымъ; и сколь краснорѣчивъ былъ въ виду того и другого сей ангель, который, не причастно всему, что окружало его, стоялъ между землею и небомъ, принадлежа одной своимъ монументальнымъ гранитомъ, изображающимъ то, чего уже нѣтъ, а другому лучезарнымъ своимъ крестомъ, символомъ того, что всегда и навѣки“.

